

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/54/2

Д. Е. Крупницкая

Томский государственный университет

**Немецкие стихотворения В. А. Жуковского:
к проблеме осмысления литературного билингвизма
русской классики**

Впервые представлена попытка собрать и комплексно рассмотреть малоизвестные поэтические сочинения В. А. Жуковского на немецком языке, не имеющие русского перевода. Анализируются восемь таких произведений, относящихся к популярному в эпоху романтизма жанру дружеских посланий и посвящений, адресованных А. А. Протасовой, внукам И. В. Гёте, графине О. П. Бобринской, И. Радовицу, А. Мальтицу. Устанавливаются особенности поэтической семантики и мотивной организации стихотворений, определяются адекватные коды прочтения зашифрованной эмблематики и христианской символики поздних посвящений 1840–1850-х гг.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, поэтическое послание, литературный билингвизм, христианская эмблематика.

В. А. Жуковский, известный в первую очередь своими мастерскими переводами баллад немецких поэтов, был автором целого ряда сочинений на немецком языке. После 1841 г., женившись на дочери своего друга-художника Елизавете Рейтерн, прочно обосновавшись в Германии, романтик не только создает сочинения на родном языке, не утратив красоты и легкости поэтики после долгих лет жизни за границей, но и пишет по-немецки. Известный нам корпус сочинений русского поэта на языке его второй родины не был до сих пор основательно рассмотрен исследователями как отдельный сегмент его наследия, потому представляет особый интерес.

Основанием для постановки проблемы выступают разыскания Д. Герхардта, опубликовавшего в 1970 г. подробную статью [Gerhardt, 1970] о немецких стихотворениях В. А. Жуковского, в которой атрибутировано пять оригинальных поэтических творений романтика, не имеющих русского перевода. Результаты специального исследования Н. Е. Никоновой [Никонова, 2013] позволяют выявить еще три таких стихотворных сочинения поэта. На сегодняшний день удалось обнаружить следующие поэтические произведения романтика на немецком языке:

Крупницкая Дарья Евгеньевна – аспирант филологического факультета Томского государственного университета (просп. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; gushovadaria@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 1
© Д. Е. Крупницкая, 2016

Und trennen uns gleich Meer und Land (1827)
 «И разделяют нас и море, и суша»¹;
Voller Keim blüh auf (5 сентября 1827 г.)
 «Полный росток, распускайся»;
Du gefällst mir so wohl mein liebes Kind (6 сентября 1827 г.)
 «Ты мне так нравишься, мое милое дитя»;
Olga, drei Genien hat der Schöpfer dem Menschen gegeben (11 июля 1847 г.)
 «Ольга, трех гениев дал Творец человеку»;
Bete darum zu dem Herrn (11 июля 1847 г.)
 «Молись о том Господу»;
Missgekannt auf Erden (1850)
 «Не признается на земле»;
Wer Dich mit Steinen wirft, nun dem verzeihe Du (1850)
 «Тех, кто бросает в Тебя камни, прости Ты теперь».

Все они принадлежат жанру дружеских посланий и посвящений, обращенных к близким, среди которых крестница поэта А. А. Протасова, внуки И. В. Гёте, племянница графини С. А. Самойловой О. П. Бобринская, друг поэта, известный прусский генерал и государственный деятель Иосиф Радовиц. К этому ряду произведений, вероятно, относится и стихотворение «Der zu früh kommende» («Приходящий раньше времени»), отправленное В. А. Жуковским в апреле 1850 г. другу-литератору А. фон Мальтицу.

Одним из первых немецких стихотворений Жуковского стало посвящение Александре Протасовой. Крестница русского поэта до конца жизни оставалась для него близким человеком и преданным другом, о чем свидетельствует и четверостишие, написанное, по предположению Д. Герхардта, до февраля 1829 г., когда Саша, теряя слух, зрение и память, скончалась от туберкулеза. Очевидно, в период болезни и было создано стихотворение. Пытаясь побороть недуг и надеясь на излечение, в 1827 г. она отправилась в путешествие по Италии, Франции, Германии. Возможно, о расставании с другом и о расстоянии между ними и идет речь в первых строках немецкого сочинения Жуковского:

<p> <i>Und trennen uns gleich Meer und Land, Vereint uns doch Freundschaftsband</i> [Gerhardt, 1970, P. 145]. </p>	<p> <i>И разлучают нас и море, и суша, Но объединяют нас узы дружбы.</i> </p>
--	--

Д. Герхардт замечает: «Четверостишие, судя по его слогу (строка 2), вряд ли могло быть позаимствовано у немецкого автора» (перевод наш. – Д. К.) [Ibid.]. Вторая строка стихотворения, по мнению ученого, звучит по-русски: четверостишие было адресовано подруге, находящейся вдали от Родины, и сочетание «узы дружбы» («Freundschaftsband») вместо нейтрального немецкого «Freundschaft» могло быть намеренным приемом Жуковского. Апрельское посвящение Саше отсылает к известному обеим сторонам событию: вероятнее всего, речь идет о последних известиях о состоянии здоровья крестницы поэта, и выражает связанные с этим мысли и чувства Жуковского. В строках стихотворения находим любимые мысли романтика о воссоединении «за гробом», которые создают ощущение предчувствия скорой кончины дорогой Жуковскому Саше и служат в то же время утешением:

¹ Дословный перевод немецких поэтических текстов В. А. Жуковского здесь и далее выполнен нами. – Д. К.

*Und fester knüpft nach kurzer Zeit
Es einst die Ewigkeit*
[Gerhardt, 1970, P. 145].

*И крепче их соединит вскоре
Однажды вечность.*

Спорным остается вопрос о точной датировке посвящения. Возможно, следующие немецкие сочинения Жуковского, оставленные во время путешествия по Европе в альбомах внуков Гёте 5 и 6 сентября 1827 г., были первыми опытами русского автора на иностранном языке. Старший из юных адресатов, Вальтер Вольфганг фон Гёте (1818–1885) – последний потомок немецкого гения – был первым ребенком в семье, однако из-за слабого здоровья не посещал школу и до конца дней проживал в мансарде дома Гёте в Веймаре, согласившись передать наследие деда в собственность княжества только в своем завещании. В строках послания Вальтеру Вольфгангу раскрывается характерный для поэзии Жуковского мотив памяти и воспоминания, что наиболее ярко выражается в следующих строках:

*Du gefällst mir so wohl mein liebes Kind,
Und wie wir hier bei einander sind,
So möcht' ich nimmer scheiden*
[Никонова, 2013, С. 119].

*Ты мне так нравишься, мое милое дитя,
И то, как мы здесь друг с другом вместе,
Что я не хотел бы никогда прощаться.*

Поэтическая тональность немецкого сочинения включает в себе сюжет двойного бытия и корреспондирует с известными элегиями Жуковского, где радость от встреч соседствует с раздумьями о быстротечности жизни, о неизбежном расставании с родными и дорогими сердцу людьми. Как известно, своего рода апология воспоминания выразилась в известном манифесте Жуковского «О милых спутниках...», немецкий перевод которого он вписал в альбом Гёте после его смерти.

Во втором немецком стихотворном послании, посвященном Вольфгангу, также реализуются устойчивые мотивы творчества романтика – мотив снятия покрыва, а также образы цветка и весны:

*Voller Keim blüh auf,
Des glänzenden Frühlings
Herzlicher Schmuck,
Und leuchte vor deinen Gesellen!
Und welzt die Blüthenhülle weg,
Dann steg' aus deinem Busen
Die volle Frucht,
Und reife der Sonne entgegen!*

*Das zum Andenken von deinem Freunde
Joukoffsky, 5. September 1827*
[Там же, с. 118].

*Полный росток, распускайся,
Сияющей весны
Сердечное украшение,
И светись пред твоими товарищами!
И сбрось покров с цветков,
Затем выпусти из своих бутонов
Полный плод,
И созревай солнцу навстречу!*

*Это на память от твоего друга
Жуковского, 5 сентября 1827 г.*

Мотив цветения и образ цветка в поэтике русского романтика обретает развернутое элегическое содержание в контексте произведений. Так, в романсе «Цветок» (1811) сконцентрирована суть этого образа, олицетворяющего быстротечную прелесть жизни. Жуковский использует образ цветка для усиления контраста и звучания элегической темы:

*Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?*

В творчестве Жуковского находим, по меньшей мере, девять произведений, воплощающих образ цветка («Роза, весенний цвет...», 1808; «Счастлив тот, кому забавы...», 1808; и др.). Следует подчеркнуть, что цветок возникает, как правило, в произведениях с элегическими интонациями в контексте мотивов преходящести бытия, мимолетности цветения жизни, как, например, строки стихотворения «К***» (1804), написанного предположительно на годовщину со дня смерти Андрея Тургенева:

*Как холодной осени рука
С опустошительной грозой
Лишает прелести цветка
Своей безжалостной косою, –
Так ты безжалостной судьбой
Лишен веселья в жизни брэнной.
Цветок заблещет вновь весной,
Твое ж страданье неизменно!*
[Жуковский, 1999, с. 61]

Последующие примеры из стихотворений Жуковского также подтверждают наличие устойчивых ассоциативных цепочек словообразов в произведениях русского поэта не только на родном, но и на иностранном языке. Цветок в поэтике Жуковского многогранен, он раскрывается в разных аспектах, но неизменным остается одно – он всегда связан с этапами жизни человека и ее преходящести, что подтверждает целый ряд стихотворений, например «Ареопагу» (вторая половина декабря 1814 – январь 1815 г.):

*На гробе расцветя, цветок своей красой
Нам о ничтожности сильней напоминает:
Не украшает он, а только обнажает
Пред нами ужас гробовой*
[Никонова, 2013, с. 396].

Посвящение Вольфгангу реализует характерные черты поэтического стиля поэта-романтика, однако излюбленные темы раскрываются в немецком тексте по-новому: если в русских посланиях и стихотворениях цветок чаще возникает в связи с элегическими мотивами, то немецкое послание написано по случаю радостного события, именин адресата и цветок здесь – признак молодости, свежести, синоним начала жизни. Торжественная интонация дружеского послания задана первой же строкой и выдержана на протяжении всего текста императивной формой всех без исключения глаголов стихотворения (*blüh auf, leuchte, wehlt weg, steig', reife*) и восклицательными предложениями, поддерживающими ритмическую организацию немецкого сочинения: «Und leuchte vor deinen Gesellen!» (*И светись пред твоими товарищами!*); «Und reife der Sonne entgegen!» (*И созревай навстречу солнцу!*). Так элегическая окраска первых немецких стихотворений Жуковского сменяется в немецком тексте панегирическими интонациями: образ распускающегося цветка прославляет начало жизни. В целом, поэтические посвящения внукам Гёте соединяют в себе характерные черты дружеского и «высокого» послания.

В последующих немецких текстах, которые создаются в конце 1840-х – начале 1850-х гг. для близких друзей поэта, намечается особый вектор, характерный

для позднего Жуковского, обратившегося к онтологическим, религиозно-философским мотивам. Размышления о вере, вечных постулатах бытия входят в поэтическую ткань поздних немецких посвящений, придавая им эпически возвышенное звучание. К таким посланиям принадлежат стихотворения на немецком языке, адресованные Ольге Бобринской и Иосифу Радовицу.

К 1847 г. относятся два послания к графине Ольге Павловне Бобринской (1825–1888), приходящейся племянницей С. А. Самойловой, которой когда-то был увлечен молодой Жуковский и даже подумывал о женитьбе. Послания написаны по случаю именин графини, и в них романтик передает свое духовное назидание о трех библейских добродетелях. Строки посланий обретают дополнительный смысл в контексте фактов творческой биографии автора, в частности истории его любви к М. А. Протасовой. Так, немецкие стихотворения становятся важнейшей частью поэтического и мировоззренческого комплекса смыслов, связанного с образом возлюбленной, мистическим ореолом женственности в жизнетворчестве Жуковского. Импульсом к формированию этого мотивного комплекса стала книга немецкого проповедника, одного из самых известных теологов-евангелистов Германии XIX в., И. Г. Б. Дрезеке «Вера, любовь, надежда» (Dreseske J. G. B. Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen Jesus. Lüneburg, 1814), где он «представлял христианско-телеологическое мировидение и рассматривал религию как путь к прекрасному воплощению нравственного идеала в жизни, как разумный принцип, который он с успехом разъяснял» [Никонова, 2011, с. 115]. В идеях Дрезеке Жуковский нашел отражение собственного миропонимания, основанного на соединении прекрасного и реального, совершенного и земного благодаря смирению с судьбой и преданности божественной воле. Вероятней всего, к стихотворным посланиям Бобринской, созданным в 1847 г. в Эмсе, прилагался экземпляр брошюры Дрезеке. Перекликаясь с проповедью, стихотворения сконцентрировали в себе ее главные положения и смыслы, заключенные в первых же строках:

*Olga, drei Genien hat der Schöpfer, dem Menschen gegeben,
Leiten sollen sie ihn hin zu dem himmlischen Ziel.
Gläubig soll sich der Pilger zu höheren Welten erheben,
Aus des Lebens Gewirr, aus der Erde Gewühl...*
[Gerhardt, 1970, P. 150]

*Ольга, трех гениев дал Творец человеку,
Вести должны они его к небесной цели.
Уверовавшим должен паломник к высшим мирам подниматься,
Из жизненной суеты, из земной толчеи...*

При этом автором послания графически выделены сами концепты Дрезеке и в последующих стихотворных строках. Первые одиннадцать гекзаметрических строк обращены к Ольге и являют собой духовное назидание:

*Ohne Glauben entfliegt werthlos das Leben dahin.
Bebet die Seele in Sorgen, dem Schmerz und dem Kummer zum Raube,
Ist ihr ein tröstender, rettender Engel, die Liebe verliehen,
Nichts ficht den Sterblichen an, den ihre Gluhten durchglühen...*
[Ibid.].

*Без Веры жизнь пролетает бесполезно.
Трепещет душа от забот, охваченная болью и горем,
Ей дарован утешающий Ангел-спаситель, Любовь,
Ничто не сразит смертного, которого воспламеняет ее жар...*

Из-под пера шестидесятилетнего поэта выходит произведение, буквально вынутое из концептосферы переживающей свой расцвет в 1840-х гг. поэзии и нехудожественной литературы немецкого пиеизма и благочестия. Мистическая медитация, характерные образы и поэтизмы Жуковского сливаются в потоке полюбившегося ему в последнее десятилетие гекзаметра. Последующие шесть шестистиший обращены к Богу, их автор, слуга и раб Божий, или рыцарь (*Knecht, Diener*), произносит молитву о даровании Ольге веры, любви и надежды, выстраивая свою медитацию по принципу многомерного пространства коммуникации, исходя из Евангелия, обращаясь к прекрасной даме и в единой молитве с нею (в первых строках рефреном звучит призыв *Bete*) – к Богу. Примечательно при этом осмысление Жуковским единства трех библейских добродетелей как фундаментальных и взаимно дополняющих понятий, составляющих важнейшие законы «праведной» земной жизни:

*Bete darum zu dem Herrn,
Lass das Herz zum Himmel dringen.
Gott erhört Gebete gern,
Die wir demuthsvoll ihm bringen,
Bete, dass Dir Glaube, Liebe,
Und die Hoffnung ewig bliebe.
Ich, sein Knecht, wird mit Dir fleh'n,
Dass sein Wille mög' gescheh'n...*
[Gerhardt, 1970, P. 150]

*Молись о том Господу,
Проникни сердцем к небесам.
Бог легко услышит молитвы,
Которые мы покорно ему посылаем,
Моли, чтобы Вера, Любовь,
И Надежда с тобой оставались
бесконечно.
Я, раб его, буду с тобой просить,
Чтобы его воля осуществилась...*

Послания О. Бобринской органично завершают линию воплощенных в слове взаимных и наставнических контактов с милыми сердцу женщинами в сфере неземных связей, в Боге.

В немецких стихотворениях, адресованных другу, теологу и монаршему наставнику генералу И. Радовицу, Жуковский продолжает двигаться в сторону духовно-религиозной поэзии. Стихотворное посвящение предваряет очерк о Радовице, изданный Жуковским в 1850 г. анонимно в виде брошюры на немецком языке [Zhukovsky, 1850], что позволяет предположить в нем автора поэтических строк. Если в послании к О. П. Бобринской мотивы и образы были вполне традиционными с точки зрения поэзии светской, основывались на универсальных христианских концептах Веры, Любви, Надежды, то в двух посвящениях Радовицу сущность поэтических образов углубляется. Стихотворение наполняется христианскими символами, эмблематикой средневековых девизов, которые адресат послания Жуковского рассмотрел в своих трудах со свойственной ему педантичностью.

Н. Е. Никонова отмечает, что «постоянство индивидуального интереса поздно Жуковского к определенному кругу теософских вопросов, связанных с его меланхолическим настроением, вызванным пошатнувшимся здоровьем и крушением надежд на возвращение в Россию, неприятием окружающей социально-политической ситуации, подтверждается в результате внимательного изучения его помет» [Никонова, 2013, с. 263] в двух изданиях сочинений Радовица [Radowitz, 1850]. Без этих помет и без учета конспектов Жуковского из книг прусского генерала невозможно адекватное рассмотрение образности немецких посланий, скрывающих от непросвещенного читателя многосложность и неочевидную, небесспорную на первый взгляд смысловую наполненность знаков и символов стихотворений.

Исследование списка эмблем, заинтересовавших русского романтика при чтении книг генерала, позволяет говорить о диалогическом взаимодействии текстов немецких посланий Жуковского и поэтики сочинений Радовица, о неслучайном

сходстве словообразов. Соотношение текстов обеспечивает приращение значений и трансформирует смысл девизов. Так, значительное количество помеченных Жуковским в книгах Радовица эмблем относится к рубрикам «Воскресение» и «Печаль о смерти», что перекликается с содержанием немецких посланий о потере близкого друга, о непростой судьбе достойного человека, например: «die untergehende Sonne – Occidit ut oriatur (untergehen um aufzugehen)» (*заходящее солнце (сойти, чтобы взойти)*); «Feuerfunken, die sich erheben – Si mueren suben (sterbend steigen sie)» (*искры, взлетающие из огня (умирая, взлетают)*); «Die Morgenroethe – Dum pario pereo (sie belebt und stirbt)» (*утренняя заря (родиться дабы умереть)*) [Никонова, 2013, с. 262] и др. Отмеченным девизам и эмблемам соответствует содержание первого послания Радовицу. Первая строфа стихотворения раскрывает известную религиозную истину об отношении к земным добродетелям: «Missgekannt auf Erden wird was gut und gross» (*Не признается на земле доброе и великое*). Во второй строфе В. А. Жуковский проводит сравнение образа Радовица, пережившего целую череду неудач и потрясений, с образом Христа, несущего свой крест. В последних строках утверждается идея о заслуженном признании добродетелей Радовица, о вечной жизни после смерти. Выбранный для этих целей образ кораллового рифа напрямую соотносится с поэтикой средневековой христианской эмблематики:

<i>Zürnt Dir Vieler Lippe –</i>	<i>Бранят Тебя многие уста –</i>
<i>Steigt im Zeitenlauf</i>	<i>Но поднимается в ходе времен</i>
<i>Die Korallenklippe</i>	<i>Коралловый риф,</i>
<i>Doch als Eiland auf</i>	<i>Как остров.</i>

[Zhukovsky, 1850, S. 5].

Второе посвящение также тесно связано с образами-реминисценциями, взятыми из книг И. Радовица об эмблемах. Символы раковины и жемчужины соотносятся с отмеченным поэтом девизом «Eine Perlmuschel im Meere – Ab sale candor (vom Salz der Glanz)» (*Жемчужная раковина в море (От соли блеск)*). В посвящении Жуковского этот образ христианской эмблематики реализует мотив очищения и прощения неприятелей через страдание:

*Wer Dich mit Steinen wirft, nun dem verzeihe Du,
Und schliess, der Muschel gleich, den Riss mit Perlen zu*
[Ibid.].

*Тех, кто бросает в Тебя камни, прости Ты теперь,
И закрой, как раковина, рану жемчужиной.*

Еще один образ, возникающий в послании и восходящий к поэтике религиозных девизов, связан с изображением колоса, двойное упоминание о нем находим в пометах поэта из книги Радовица. Первое из них располагается в рубрике эмблем о «Верности в служении»: «колос (малые с большими согласны)», другое – в рубрике «Печаль о смерти»: «клонящийся полный колос (семена созрели)». В данном контексте проясняются строки второго послания, где образ колоса вводится Жуковским как аллегория перерождения и символизирует новую жизнь, возросшую из праха:

*Für den, der Dich verletzt, sey uns 'rer Erde gleich:
Dem spend' aus jeder Wund ein goldnes Ährenreich.*
*Und wenn Du dies gethan von Anfang bis zu Ende,
So danke Gott dafür und falte Deine Hände*
[Zhukovsky, 1850, S. 5].

*Пред теми, кто тебя ранит, будь схож с нашей землей:
Ему воздай из каждой раны золотое царство колосьев,
И если Ты осуществишь это от начала до конца,
То возблагодари Бога за это и сложи свои руки.*

Таким образом, стихотворения, обращенные к Радовицу, связаны с характерной для жанра дружеских посланий Жуковского философской проблематикой, элегическими мотивами воспоминания и преходящести земного бытия. Биографический очерк о Радовице предваряется воплощенной в стихотворной форме христианской символикой, что задает вполне определенный контекст прочтения непростой судьбы государственного деятеля, создает портрет человека, непризнанного при жизни.

Комплексное рассмотрение немецких сочинений русского романтика позволяет говорить о переосмыслении Жуковским жанра дружеского послания, соответствующем динамике его собственной творческой эволюции. Последние немецкие оригинальные послания обретают большую пластичность формы и свободу слога, углубляют поэтическую семантику образов. Знаковые концепты и мотивы поэзии Жуковского разворачиваются по-новому, будучи облеченными в вертикальный контекст иной словесности.

Благозвучие стиха и наличие сложных аллегорий лишает дружеское послание непосредственности выражения, произвольности повествования и бытовых элементов, свойственных жанру, и добавляет стихотворениям, посвященным О. Бобринской и И. Радовицу, программной герметичности. В обоих случаях выдержана точная рифма (*Erden – werden, gross – Loos, verzagen – tragen, Brust – bewusst, Lippe – Korallenklippe, Zeitenlauf – auf; Du – zu, gleich – Ährenreich, Ende – Hände*). Простота, легкость и мелодичность синтаксических конструкций немецких стихотворений создает акцент на концептуальной составляющей, подчеркивая значимость идей и глубину поэтических размышлений Жуковского. Последние строфы обоих стихотворений несут светлые образы, завершая повествование в жизнеутверждающем ключе:

*Zürnt Dir Vieler Lippe –
Steigt im Zeitenlauf
Die Korallenklippe
Doch als Eiland auf.*

*Бранят Тебя многие уста –
Но поднимется в ходе времен
Коралловый риф,
Как остров.*

*Und wenn Du dies gethan von Anfang bis zu Ende,
So danke Gott dafür und falte Deine Hände.*

*И если Ты осуществишь это от начала до конца,
То возблагодари Бога за это и сложи свои руки.*

Кроме того, поэтические обращения к О. Бобринской и И. Радовицу сближает их двухчастная композиция и наличие определенного шифра, понятного, прежде всего, автору и адресату обращения. В первом случае в роли такого ключа к поэтической семантике произведения выступает сочинение Дрезеке, во втором – работа самого Радовица.

Стихотворение «Der zu früh kommende» («Приходящий раньше времени»), которое В. А. Жуковский без ссылки на иного автора отправил литератору и своему

давнему другу А. Мальтицу, а тот – сообщил в письме графине Эглоффштейн, также может быть отнесено к ряду его немецких посланий. В данном случае кодом к пониманию образности стихотворения выступает ореол смыслов, связанный с упомянутыми адресатами, веймарскими гетеанцами, с одной стороны, и все тот же сложный комплекс христианских мотивов, соотносящийся с погруженностью Жуковского в духовно-назидательную литературу немецкого неопиетизма, – с другой. В образе «приходящего раньше срока» реализуется автобиографический для Жуковского вертеровский мотив, полемически противостоящий христианскому религиозному канону, отвергающему от Бога решившего уйти из жизни самостоятельно. Призывая не осуждать участи страждущего на земле и своевольно покинувшего мир, романтик вновь обращается к беспокоившей его в последние годы теме спасения души, развивая размышления о смерти:

*Richtet, o Mitsterbliche! gelinder,
<...>
Werft ins Höllenfeuer nicht zu tief,
Den, der früher kam, als Gott ihn rief!*
[Никонова, 2012, с. 116]

*Относитесь, о смертные! более мягко,
<...>
Не бросайте в адское пламя слишком глубоко,
Того, кто раньше пришел, чем Бог его призвал!*

Итак, оригинальные немецкие стихотворения Жуковского в жанре дружеского послания продолжают процесс поэтических исканий русского романтика, что воплощается в творческой реализации новых поэтических формул, восходящих к западной духовной поэзии и предваряющих во многом пути русской литературы. Материал немецких стихотворений позволяет увидеть настоящий литературный билингвизм поэта-романтика, не только освоившего два континуума литературного языка и культуртрегерскую миссию в установлении их связей, но овладевшего адекватным художественным высказыванием на языке иностранной культуры.

Восемь немецких сочинений русского поэта, впервые рассмотренные комплексно в контексте его творческой эволюции, открывают уникальные опыты Жуковского, расширяют наши представления о его жанрово-стилистических поисках, углубляют понимание синтетической природы дружеских поэтических посланий как жанра русского романтизма.

Также необходимо указать на отсутствие характерных для русских посланий Жуковского шуточных прозвищ в структуре посланий и отсутствие фамильярно-сатирического элемента в немецких сочинениях Жуковского. Смеховой элемент русских поэтических посвящений поэта в пространстве иной литературы теряет актуальность и фактически замещается «высоким», хвалебно-назидательным тоном. По сути, это объясняется не только переключением между литературами, но и собственной творческой эволюцией Жуковского, обратившегося в позднем творчестве к духовно-назидательным мотивам, христианской философии, каноническому крупному эпосу. С этой позиции немецкие стихотворения 1840–1850-х гг. выступают неотъемлемой частью целостного наследия русского романтика, обнажают важнейшие механизмы его поэтического мастерства и мировоззренческие интенции. Подобное совокупное рассмотрение наследия русских классиков на родном и иностранном языках позволяет обогатить наши представления о путях отечественной литературы.

Список литературы

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 10 т. Т. 1: Стихотворения 1797–1814 годов / Сост. А. С. Янушкевич. М.: Яз. рус. культуры, 1999.

Никонова Н. Е. Книга как многомерное пространство коммуникации: «Вера, любовь, надежда» И. Г. Б. Дрезеке в восприятии В. А. Жуковского // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 3(15). С. 113–125.

Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и его немецкие друзья: Новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 336 с.

Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкий мир: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013. 336 с.

[*Zhukovsky V. A.*] Joseph von Radowitz wie ihn seine Freunde sehen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimat. Karlsruhe: W. Kasper'sche Buchdruckerei, 1850. 50 S.

Gerhardt D. Eigene und übersetzte deutsche Gedichte Žukovskijs // Горски Вијенац а Garland of essays offered to Prof. E. M. Hill. Cambridge, 1970. P. 118–154.

Radowitz J. Die Devisen und Motto des späteren Mittelalters: Ein Beitrag zur Spruchpoesie. Stuttgart; Tübingen: J. G. Cotta'scher Verl., 1850.

D. Y. Krupnitskaya

The German poems by V. A. Zhukovsky: on the problem of comprehending the bilingualism of the Russian classical literature

In the paper an attempt is made for the first time to collect and study comprehensively V. A. Zhukovsky's little known poetic compositions in the German language, which have not been translated into Russian. Analysis is made of eight works of this kind. They all fall into a genre popular in the epoch romanticism. It was the genre of friendly epistles and dedications, addressed to A. A. Protasova, I. V. Goete's grandsons, countess O. P. Bobrinskaya, I. Radovitz, A. Maltitz. The paper reveals the peculiarities of the poetical semantics and a motivational organization of poems. Also, it defines the adequate codes for read the ciphered emblematics and the Christian symbolism of the late dedications of the 1840s – 1850s.

Keywords: V. A. Zhukovsky, poetic epistle, literary bilingualism, Christian emblematics.

DOI 10.17223/18137083/54/2